

ДЕТСТВО

по мотивам воспоминаний Л.Н.Толстого и его повести «Детство»

Действующие лица:

НИКОЛЕНЬКА
ВОЛОДЯ
ЛЮБОЧКА
КАТЕНЬКА
МАМАН
ПАПА
ГРИША
НАТАЛЬЯ САВИШНА
КАРЛ ИВАНЫЧ
МИМИ
СОНЕЧКА
СЕРЕЖА
ИЛЕНЬКА
БАБУШКА
ИВАН ИВАНЫЧ
КНЯГИНЯ
ДОКТОР
ЯКОВ

1. ДЕТСТВО

<p><i>Дети гуляют по лесу, ищут подходящие палки для игры в Робинзонов. Каждую проверяют на слух – чтобы воздух рассекала со свистом.</i></p> <p>НИКОЛЕНЬКА. Володя, слушай!</p> <p><i>Рассекает палкой воздух.</i></p> <p>ВОЛОДЯ. Очень хорошо. А эта?</p> <p><i>То же делает.</i></p> <p>НИКОЛЕНЬКА. Славная.</p> <p><i>Катенька со своей палкой играет,</i></p>	<p><i>Маман встречает Доктора на летней веранде. Наталья Савишна сама подает чай. Присаживается неподалеку в кресло-качалку, принимается за вязание шали. За перилами веранды не видно, но по частым реакциям Натальи Савишны можно угадать, что у ее ног вьется крохотная собачонка. «Моська! Мосенька! Помощница! Ну, угомонись. Ну, сядь! Нет, на двор не пушу. Знаю, что хочется, знаю, что чешется, а все равно не пушу, потому что – нечего! Ой, смешная! Ой, до чего смешная! Ты ж моя хорошая!»</i></p>
--	---

как с волшебной лозой. Двигается по лесу, прищурив один глаз, держа палку перед собой, и изображая, будто палка ее куда-то ведет и тянет.

КАТЕНЬКА *(на ходу)*. У амбара старая телега перевернулась и совсем развалилась.

ВОЛОДЯ. Корабль на рифах?

КАТЕНЬКА. Даже одно колесо отвалилось. Сойдет за штурвал.

Пойдем туда играть в Робинзонов?

НИКОЛЕНЬКА. Хорошо!

ЛЮБОЧКА. Можно в этот раз, чтобы я за маму, а Володя – за папу?

КАТЕНЬКА. Тогда Николенька – за Фрица. А я, чур, за младшего. Я принесу животных. Знаете хоть, что Рыська нашлась?

НИКОЛЕНЬКА. Рыська нашлась?

ВОЛОДЯ. Я уж думал, ее задрали.

КАТЕНЬКА. Она все время пряталась в подвале, там окотилась и, пока котят не **вы**ходила, никому их не показывала. Чтобы не топили, как прошлых и позапрошлых.

ВОЛОДЯ. У-у-у, умная кошка.

ЛЮБОЧКА. И котята?!

КАТЕНЬКА. Угу. Все разноцветные.

ЛЮБОЧКА. Ну, что за прелесть!

КАТЕНЬКА. Сегодня рано-рано она их вывела.

ЛЮБОЧКА. Где их можно посмотреть?

КАТЕНЬКА. Утром они как раз за амбаром и играли.

ЛЮБОЧКА. А вон папенька по лесу гуляет.

НИКОЛЕНЬКА. Чего он ищет?

ВОЛОДЯ. Кто его знает. Идем другой тропинкой. Он нынче не в духе.

КАТЕНЬКА. Кто первый добежит до

О чем-то договорившись, Доктор и Матушка уходят в ее комнату.

Наталья Савишина убирает со стола, продолжая попеременно бранить и хвалить Моську, которая не отходит от нее ни на шаг.

На кухне Наталья Савишина ходит мимо Карла Ивановича и Мими. Они сидят по разные стороны стола, читают. Иногда что-нибудь «для себя» проговаривают вслух. Мими по-французски, Карл Иванович – по-немецки.

Вокруг них снуют две девушки, собирающие на стол к обеду.

Маман провожает Доктора. Прощается с ним на крыльце.

ДОКТОР. Это ничего, голубушка. Вы еще не тревожьтесь. Я к вам третьего дня снова наведаюсь.

МАМАН. Еще?

ДОКТОР. Что-с?

МАМАН. Вы так сказали: «Еще не тревожьтесь». Будто вы мне скажете, когда уже можно будет.

ДОКТОР. Непременно скажу.

Доктор уходит. Маман некоторое время неподвижно стоит на крыльце.

телеги?

Все бегут.

ЛЮБОЧКА *(на бегу)*. Понятно, кто. Володя. Он всегда первый.

КАТЕНЬКА *(на бегу)*. Или

Николенька?

ЛЮБОЧКА *(на бегу)*. У Николеньки ноги короче моих!

Все, кроме Николеньки, смеются. Николенька изо всех сил старается обогнать брата. Первой до телеги добегают Катенька. Она опирается на телегу, тяжело дышит, заливаясь хохотом. Остальные падают в траву, пробуют отдышаться. Смотрят в небо. Катенька стоит над ними, оперев руки в колени. Поглядывает то на «барчат», то на небо, щуря один глаз.

ЛЮБОЧКА. Смотрите, облако похоже на зайчонка.

НИКОЛЕНЬКА. А если вот так голову повернуть – то на всадника.

ЛЮБОЧКА. Да где?

НИКОЛЕНЬКА. Ну вот, смотри. Вот ноги лошади, вот голова, а это – сгорбленный всадник.

ЛЮБОЧКА. Вижу!

ВОЛОДЯ. А теперь вытянулось в собачью пасть. Видите? Меняется!

Во-во-во!

НИКОЛЕНЬКА. Вижу!

ЛЮБОЧКА. Вижу!

ВОЛОДЯ. Катенька, а ты что видишь?

КАТЕНЬКА. Я ангела вижу.

НИКОЛЕНЬКА. Это как? А где у него крылья?

КАТЕНЬКА. За спиной склеились.

От леса к дому идет Папа, отгоняя от себя назойливых мух.

МАМАН *(ему навстречу)*. Идет из леса, а какой сердитый! Не нашел, что искал?

ПАПА *(машет рукой)*. Ай!

Маман обвивает руками шею Папы. Папа снисходительно терпит эту ласку.

МАМАН. И почему ты такой злой? Что-нибудь случилось?

ПАПА. Разве здесь что-нибудь может случиться?

МАМАН. Здесь многое случается. Найди себе какое-нибудь интересное дело.

ПАПА. Я занимаюсь делами! Я **веду** дела! Зачем ты мне сейчас такое сказала?

МАМАН. Не подумала.

ПАПА. Впредь думай.

МАМАН. Тогда, ну... Отдохни от дел. Давай поедem с детьми на охоту?

ПАПА. Ты не любишь охоту.

МАМАН. Я потерплю.

ПАПА. Мне в назидание? Ты потерпишь, и мне потом терпеть прикажешь?

МАМАН. Нет. Просто – потерплю.

Папа делает движение, чтобы уйти.

МАМАН. Если хочешь, можем позвать Карл Иваныча, Мими, Наталью Савишну и вместе за чаем в карты поиграть. У детей сегодня классов нет, и погода хорошая, они сами себя прекрасно развлекут. А мы можем играть хоть до обеда.

Он устал за нами приглядывать, завалился на бок, руку вот так вот вытянул, нимб откинул в сторону... Вон, видите, колечко чуть ниже? И лежит.

ЛЮБОЧКА. Не бывает, чтобы ангел устал.

КАТЕНЬКА. Но ты же сама видишь.

ЛЮБОЧКА. Вижу. Может быть, ему жарко.

ВОЛОДЯ. Хорошо бы дождь пошел.

НИКОЛЕНЬКА. Хорошо бы даже гроза, чтобы грохотало!

ВОЛОДЯ. Может, повезет.

КАТЕНЬКА. Можно на крышу амбара взобраться и посмотреть, далеко ли туча.

НИКОЛЕНЬКА. Думаешь, с амбара будет тучу видно? Ты почему знаешь, что туча идет?

КАТЕНЬКА. Такая жарница! Непременно идет!

ВОЛОДЯ. Лезем на крышу?

КАТЕНЬКА. Что, Николенька, боишься, что свалишься?

Николенька первый лезет на крышу. Володя пропускает девочек вперед, чтобы подстраховать их. Все дети оказываются на крыше амбара.

НИКОЛЕНЬКА. Тучи не видно.

КАТЕНЬКА. Повыше бы взобраться. А туча все-таки будет. Вон – Гришка юродивый сюда идет, видите?

НИКОЛЕНЬКА. И что?

КАТЕНЬКА. Наталья Савишна говорит, что за Гришей всегда туча приходит.

ЛЮБОЧКА. Маман любит Гришу.

ВОЛОДЯ. Только папаша его терпеть не может.

НИКОЛЕНЬКА. Все одно – мамаша непременно будет настаивать, чтобы

Папа снова делает движение.

МАМАН. Куда ты?

ПАПА. В кабинет.

МАМАН. В гостиной тоже есть графинчик.

ПАПА. Ко мне Яков должен зайти. Сказал, что-то важное.

МАМАН. У Якова все важное.

ПАПА. Я прошу тебя...

МАМАН. Пожалуйста. К обеду спустишься?

ПАПА. Конечно! Черт!

Папа стремительно направляется вверх по лестнице в свой кабинет.

МАМАН. Петруша!

ПАПА (*остановившись*). Что, душа моя?

МАМАН. Ничего.

Маман идет в гостиную, садится за фортепиано. Наталья Савишна сейчас же усаживается подле нее с вязанием.

Папа заходит в свой кабинет, закуривает трубку. Входит Яков.

ЯКОВ. Можно?

Папа зажмуривается и тихонечко скулит. Рукой прибавляет муху на столе.

ПАПА. Что такое?

Яков бумагами смахивает муху со стола и те же бумаги подает Папе.

ЯКОВ. Извольте принять во внимание.

ПАПА (*быстро просмотрев бумаги*).

Гриша с нами обедал.

КАТЕНЬКА. Таким ходом только к ужину до нас доберется.

ВОЛОДЯ. Вериги тяжелые.

Дети переглядываются. Не сговариваясь, спускаются с крыши. Отыскивают в амбаре несколько тяжелых цепей. Обвешивают ими Володю. Считают шаги. Сколько он сможет прошагать в «веригах». Потом тоже проделывают с Николенькой. Николенька прошел немногим меньше и упал. Чуть не расплакался, но сдержался. Любочка отказывается от такой игры. И Катенька, обвешавшись всеми цепями, на четвереньках доползает до черты. Падает, без сил.

КАТЕНЬКА. Снимите их с меня! Сейчас же снимите! Дышать нечем! Прости, маменька, я не хочу расти святой.

ЛЮБОЧКА. Котята!

Дети бегут за амбар смотреть котят.

Ах, Боже мой милостивый!..

Папа идет к шкафчику, открывает дверцу, запрокидывает голову, говорит «бррр», закрывает шкафчик. Возвращается на свое место. Некоторое время сидит, зажмурившись. Открывает глаза – они красные и полны слез. Коротко кашлянув, решительно берет в руки бумаги, погружается во внимательное их изучение. Потом, свернув бумаги, прибывает ими очередную муху и обращается, наконец, к Якову.

ПАПА. Что с тобой нынче, Яков? За мельницу ты должен получить тысячу рублей... так или нет? Залогов из казны ты должен получить обратно восемь тысяч; за сено, которого, по твоему же расчету, можно продать семь тысяч пудов, — кладу по сорок пять копеек, — ты получишь три тысячи; следовательно, всех денег у тебя будет сколько? Двенадцать тысяч... так или нет? ЯКОВ. Так точно-с. А какое приказание будет насчет хабаровских денег?

ПАПА. Оставить в конторе и отнюдь никуда не употреблять без моего приказанья.

ЯКОВ. Позвольте вам доложить, Петр Александрыч, что как вам будет угодно, а в Совет к сроку заплатить нельзя. Вы изволите говорить, что должны получиться деньги с залогов, с мельницы и с сена... Так я боюсь, как бы нам не ошибиться в расчетах.

ПАПА. Отчего?

Папа снова направляется к шкафчику. Все время, пока говорит

*Быстро набегают грозовая туча.
Дети сейчас же выбегают из-за
амбара. Девочки несут в передниках
котят. Николенька тащит маму-
кошку. Мелькает молния.*

НИКОЛЕНЬКА. Видали? Все небо
напополам!

ВОЛОДЯ. Считаю до десяти!!!

*Все дружно считают до десяти.
Гремит гром. Дети верещат от
счастья.*

ВОЛОДЯ. И! Еще раз до десяти!

*Считают до десяти. Дождь! Дети
прячутся под перевернутой телегой.
Просовывая руки в щели, они кричат:
«Помогите! Спасите! Мы тонем!
Нас преследуют пираты! Наш
корабль напоролся на риф! Ужасный
шторм! Кораблю пробило днище! Мы
заперты в этой каюте! Кто-нибудь!
Помогите! Мы не можем отсюда
выбраться! Мы не хотим умирать!
Помогите же нам! Мы все умрем! Со
мною животные и дети! И жена!
Она доброго нрава женщина!
Пожалуйста! Кто-нибудь! Неужели
вся команда сбежала? Неужели во
главе с капитаном? Нет! Они не
могли оставить нас здесь! Это
подлость! Это трусость! Нужно
позвать на помощь! Снова позвать
на помощь? Будем звать на помощь,
пока нам не помогут или пока что-
нибудь не станет ясно! Дорогой мой,
может быть, лучше все вместе
помолимся? Господь точно услышит
наш крик о помощи! Какая хорошая
мысль, дорогая. Давай помолимся.
Дети, встаньте на колени! Тут*

*Яков, он прячется за дверцей, иногда
запрокидывая голову.*

*(Тем временем, Маман, прервав игру:
«Наташенька, душа моя, велите
накрывать на стол. А еще разыщите
Мими или Карл Ивановича, пусть
детей в дом зовут. Что-то с погодой
делается. Да и обед скоро...»)*

ЯКОВ. А вот извольте видеть: насчет
мельницы, так мельник уже два раза
приходил ко мне отсрочки просить и
Христом Богом божился, что денег у
него нет... да он и теперь здесь: так не
удобно ли вам будет самим с ним
поговорить?

ПАПА. Что же он говорит?

ЯКОВ. Да известно что, говорит, что
помолу совсем не было, что какие
деньжонки были, так все в плотину
посадил. Что ж, коли нам его
снять, судырь, так опять-таки найдем
ли тут расчет? Насчет залогов
изволили говорить, так я уже,
кажется, вам докладывал, что наши
денежки там сели и скоро их
получить не придется. Я намерен
посылал в город к Ивану Афанасьичу
воз муки и записку об этом деле: так
они опять-таки отвечают, что и рад
бы стараться для Петра
Александрыча, но дело не в моих
руках, а что, как по всему видно, так
вряд ли и через два месяца получится
ваша квитанция. Насчет сена
изволили говорить, положим, что и
продастся на три тысячи...

*Папа закрывает шкафчик,
поворачивается к Якову.*

повсюду вода! Вставайте! Будем молиться!» На какое-то время под телегой воцаряется тишина. Только гром гремит, и молнии сверкают, и слышно, как бегают по двору Карл Иваныч и Мими, выкрикивая на разных языках проклятия несносным детям. Когда голоса Карла Иваныча и Мими удаляются, «Робинзоны» снова предаются панике: «Не помогло! Не помогло! Даже бог оставил нас! Что же мы будем делать? У нас есть один выход – принять смерть достойно и безропотно. Так мы и поступим! Да! Да! Дстойно и безропотно! Вода еще не полностью наполнила наш трюм, давайте просить друг у друга прощения!»

Дети просят прощения, выдумывая самые прекрасные и нелепые причины, по которым они виноваты друг перед другом. Катенька последний раз пробует уговорить Боженьку пожалеть хотя бы безгрешных котят и их мученицу-мать. И вот тут прекращается ливень. Володя первый выбирается из-под телеги и взбирается на нее. Оглядывает горизонт.

ВОЛОДЯ. Дети мои, мы потерпели кораблекрушение, но есть и хорошие новости!

Все следом за Володей взбираются на телегу. Любочка прижимается к Володе.

КАТЕНЬКА. Какой погром!

ВОЛОДЯ. Мы живы. И мы совсем недалеко от земли.

НИКОЛЕНЬКА. Если бы я был капитаном, то сражался бы с

ПАПА. Я, Яков, вот что... Я нынче поеду в Москву.

Яков некоторое время молчит.

ЯКОВ. Вот как вы хотите дела наши поправить?

ПАПА. Иди.

Яков уходит. Папа спускается в столовую, где Маман продолжает играть на фортепьяно.

ПАПА. Наталья Савишна, велите ставить самовар.

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Скоро обед.

ПАПА. Я хотел бы дожить до обеда.

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Слушаю-с. Все маетесь, барин?

Папа в ответ только кряхтит, пытаясь уместиться в кресле. Но кресло это ему так противно, как если бы оно кишело кусачими насекомыми.

ПАПА. Где дети?

МАМАН. За ними уже послали.

ПАПА. Они не в доме.

МАМАН. Играют.

ПАПА. В такую-то погоду?

МАМАН. Не сахарные. И не маленькие.

ПАПА. Вот и довольно им в деревне баклуши бить. Пора им начинать учиться.

МАМАН (прекращая игру). Сейчас?

ПАПА. Почему не сейчас?

МАМАН. Карл Иваныч замечательно их учит.

ПАПА. Я говорю про серьезное образование.

МАМАН. Что ты хочешь?

ПАПА. Завтра же везти их в Москву.

пиратами вместо того, чтобы бежать!
ЛЮБОЧКА. Боже мой!
ВОЛОДЯ. Дорогая, не волнуйся.
ЛЮБОЧКА. Тогда есть надежда!..

Слышны голоса Карла Иваныча и Мими, бегущих к детям.

КАРЛ ИВАНЫЧ. Zu mir, Kinder! Zu mir!

НИКОЛЕНЬКА. Ой. Карл Иваныч!

МИМИ. Mesdames, rentrez chez vous!

ЛЮБОЧКА. И Марья Ивановна...

НИКОЛЕНЬКА. Как думаешь, можно ли сейчас плыть к берегу?

ВОЛОДЯ. Не знаю...

КАРЛ ИВАНЫЧ. Mama wartet auf dich!

МИМИ. À qui ressemblez-vous? Oh Mon Dieu!

ВОЛОДЯ. Я думаю, что надо подождать, пока успокоится течение.

КАТЕНЬКА (*указывая пальцем на Карла Иваныча и Мими*). Смотрите, что я нашла! Двух собак капитана!

Дети смеются.

ВОЛОДЯ. Молодец, сынок!

Учителя, все приближаясь, продолжают громко ругаться на разных языках.

КАТЕНЬКА. Они рады меня видеть! Ура!

ВОЛОДЯ. Стоп-игра! Зовут обедать.

Дети бегут навстречу учителям. Катенька вместе с котятками и мамой-кошкой прячется под телегой. Володя, Николенька и Любочка следуют за Карл Иванычем и Мими до самых дверей столовой. У дверей

МАМАН. Завтра же?

ПАПА. Завтра же.

МАМАН. Мне это не по душе.

ПАПА. Во всяком случае, мне необходимо ехать в Москву, чтобы поправить наши дела.

МАМАН. Наши дела?

ПАПА. Зачем ты на меня так смотришь?

МАМАН. Если наши дела так плохи, почему бы не поправить их из Хабаровских денег?

ПАПА. Я не хочу брать твоих денег.

МАМАН. Это наши деньги. А если в Москву ты едешь, чтобы поправить «наше» положение, надеюсь на выигрыш – так этого не будет.

ПАПА. Я вовсе не за тем.

МАМАН. Ты игрок, Петруша. И я была бы самой последней женой, возмись судить тебя за это. Оттого тебе в деревне скучно, и занятия ты себе не можешь найти по душе...

Страсть – я понимаю. Страсть. Но ты выдумываешь про детей, про дела, которые необходимо поправить...

ПАПА. Выдумываю? Посмотри бумаги, которые мне сегодня принес Яков! Посмотри на наших мальчиков, которые бегают по лесу с палками, воображая себе черти что! Вчера я не узнал их в толпе дворни.

МАМАН. Петруша, сомневался ли ты когда-нибудь в моей любви к тебе?

ПАПА. Нет.

МАМАН. Потому как любить тебя – мой долг? Но ты едешь играть в Москву. От того, что тебе скучно, ты ставишь под удар будущее наших детей. Чтобы сделать несколько ставок, ты выдумываешь все, что угодно... Спасать имение, учить детей!..

ПАПА. Замолчи. Что с тобой?

Карл Иванович просит детей остановиться, а сам уходит за полотенцем, чтобы привести детей в порядок прежде, чем их увидят родители. Дети и Мими слышат разговор Маман и Папы со слов: «Петруша, сомневался ли ты когда-нибудь в моей любви к тебе?» Мими обращается к детям: «C'est pas bon d'écouter! Allez vous changer!» (Только Любочка поняла, что сказала Мими, все равно не послушалась. А для мальчиков этот мими-шный французский – вообще белый шум. Они только произвольно шикнули на Мими. Мими сильно, но коротко оскорбилась. Однако, настаивать не стала, потому что сразу поняла, что твориться что-то очень серьезное. Чья-то судьба решается сейчас.) Мими и дети продолжают подслушивать.

Карл Иванович возвращается с полотенцем на фразу «Петруша, это после...»

Карл Иванович велит детям немедленно идти в свои комнаты («Gehen Sie! Gehen Sie!»). Все трое сейчас же беспрекословно слушаются Карла Ивановича.

Володя и Николенька переодеваются

МАМАН. Возьми Хабаровские деньги и останься. Пережди. Пройдет. Сейчас – не время, сейчас – нельзя. Душа моя, послушай меня, поверь мне.
ПАПА. Сейчас – самое время, а ты – бредишь! У тебя жар? Почему утром к тебе приходил доктор?
МАМАН. Ты только теперь спросил.
ПАПА. Я...

Молчание.

ПАПА. Почему утром к тебе приходил доктор?
МАМАН. Хотел взять у нас несколько саженцев из яблоневого сада.
ПАПА. Сейчас не сезон.
МАМАН. Я ему так и сказала.
ПАПА. Давно ты научилась мне врать?
МАМАН. Врать я всегда умела. Давно ли ты научился не обращать внимания на мое вранье?
ПАПА. Тогда...
МАМАН. Петруша, это после. Я знаю, что решения своего ты не переменишь, поэтому попрошу тебя только об одном. Не говори с детьми сегодня. Оставь им хотя бы этот день, и вечер, и ночь. И скажи мне вот еще что. Как же ты собираешься поступить с Карлом Ивановичем?

ПАПА. Для него уже приготовлен конверт.

Входит Карл Иванович. За ним – вбегает Мими.

в своей комнате.

ВОЛОДЯ. Не толкайся!

НИКОЛЕНЬКА. Я не толкался. Это ты за день раздался от важности.

Теперь в одной комнате не помещаемся!

ВОЛОДЯ. Сердишься, что вперед тебя до телеги добежал?

НИКОЛЕНЬКА. Нет.

Переоделись. Стоят над умывальником. Помогают друг другу умываться, льют воду из кувшина, смотрят на себя в зеркало.

НИКОЛЕНЬКА. Про что там они говорили? Я ничего не расслышал. Ты слышал?

ВОЛОДЯ. Слышал.

НИКОЛЕНЬКА. Неужели ругаются? Володя, скажи. Они же не ругались?

Володя, ты чего мне не отвечаешь? И надо тебе быть таким противным?

Володя, ты что, плачешь?

ВОЛОДЯ. Я не девочка!

НИКОЛЕНЬКА. Я знаю, что ты не девочка.

ВОЛОДЯ. Это – мыло.

НИКОЛЕНЬКА. Я и подумал, что мыло.

ВОЛОДЯ. Идем.

Тем же временем Любочка переодевается в своей комнате. Натянула чистое платье, улеглась на кровать, смотрит в потолок. Угадывает в неровностях потолка свои навязчивые детские сны.

ЛЮБОЧКА. Не жара, значит. Значит, все-таки ты утомился.

Входит Мими.

КАРЛ ИВАНЫЧ. Я привел детей. МИМИ. Ils sont complètement sales.

ПАПА. Зовите.

КАРЛ ИВАНЫЧ. Я велел им переодеться. Они попали под дождь.

МИМИ. Ils ont bricolé dans une flaque d'eau comme des porcelets!

МАМАН. Только бы не простудились! Я сейчас к ним иду.

ПАПА. «Не сахарные» же?..

МАМАН. Во всяком случае, я не позволю, чтобы дети куда-нибудь ехали, прежде, чем я буду уверена в том, что они здоровы.

Маман уходит.

КАРЛ ИВАНЫЧ. Едете в Москву?

ПАПА. Да, завтра.

КАРЛ ИВАНЫЧ. И детей забираете?

ПАПА. Только мальчиков. Любочка останется здесь, она еще...

МИМИ. C'est du propre! C'est vrai!

КАРЛ ИВАНЫЧ (*Мими*). Sei still, du Hexe! (*Папе*.)

А я?

ПАПА. Милый Карл Иваныч, суммой мы вас не обидим. Вот конверт – можете в этом удостовериться.

Мими, вы не могли бы оставить нас?

МИМИ. Comme vous le souhaitez.

Мими уходит.

КАРЛ ИВАНЫЧ. Нет, я этого конверта брать не буду.

ПАПА. Карл Иваныч...

КАРЛ ИВАНЫЧ. Я двенадцать лет живу в этом доме и могу сказать перед Богом, что все это время я любил ваших детей и занимался ими больше, чем ежели бы это были мои собственные дети. Вы помните (вы, наверное, и не помните!), когда у

ЛЮБОЧКА. Вы меня напугали.
МИМИ. Люба, я хочу впредь просить вас заниматься прилежнее. Я буду очень настойчива. Я буду за вами следить. Я не желаю, чтобы вы играли в Робинзонов. Вы же леди! Ведите себя подобающе. Будете проказничать – никто не возьмет вас замуж. А если кто и возьмет – так вы скоро его в гроб загоните своим поведением. Что тогда будете делать?
ЛЮБОЧКА. Я разделю с вами ваше вдовье положение. И, пожалуйста, *parlez français!* Я ведь и половины не поняла из того, что вы сейчас сказали.

Дети спускаются к обеду. Маман целует каждого по очереди. За столом разрешают так же сидеть Мими с Катенькой. Мими сыплет замечаниями детям, но дети мало ее слушают. Они с удовольствием наслаждаются барским обедом. Только Володенька ест медленнее обычного, а Любочка – быстрее.

ЛЮБОЧКА. Мы сегодня еще поиграем в Робинзонов?
ВОЛОДЯ. Отстань.

Любочка плачет.

ВОЛОДЯ. Перестань, перестань!
ЛЮБОЧКА. Мы не доиграли.
ВОЛОДЯ. Поиграем.
ЛЮБОЧКА. А ты подаришь мне свою зеленую палочку?
ВОЛОДЯ. Какую?
ЛЮБОЧКА. Которая громче всех в воздухе свистит. Ты нашел сегодня.

Володеньки была горячка, я девять дней, не смыкая глаз, сидел у его постели. Да! Тогда я был добрый, милый Карл Иваныч, тогда я был нужен; а теперь *дети большие стали: им надо серьезно учиться.* Точно они здесь не учатся. Да, теперь я не нужен стал, меня и надо прогнать.
ПАПА. Карл Иваныч, дети идут...
КАРЛ ИВАНЫЧ. Я откланяюсь. Я сейчас откланяюсь. Я откланиваюсь прямо сейчас.

Карл Иваныч уходит. Входят дети. Мими теперь следит за тем, чтобы они расселись по своим местам. Делает им замечания на французском.

Входит Маман.

МАМАН. Погода сегодня...

Теперь все, кому положено, сидят за столом. Едят.

МАМАН. Все немедленно перестаньте.

МИМИ. Мадам?

МАМАН. Это застольная сцена. Не надо застольных сцен. Их в нашей жизни было с избытком. Да же, Петруша? Сегодня обойдемся. Дети, вы сыты? Наталья Савишна, что – погода? Уже снова чудесная? Соберите детям еду с собой. Пусть устроят пикник. Кажется, им это весело. Я бы присоединилась. Но мне нынче нездоровится.

МИМИ. *Je peux sortir avec les enfants,*

Подаришь мне?

ВОЛОДЯ. Я не могу.

ЛЮБОЧКА. Почему?

ВОЛОДЯ. Я ее спрятал.

ЛЮБОЧКА. Зачем?

НИКОЛЕНЬКА. Вы слышите?

Оказывается, матушка приболела.

Бедная матушка.

КАТЕНЬКА. Нам завернут еды в корзину. Пойдем играть к пруду?

Детей выпроваживают из-за стола, Николеньке вручают корзину, Володе – ковер, Катеньке – полотенца.

Любочка, прежде чем бежать за братьями и Катенькой, успевает минорно проблямкать на фортепьяно: «В тени молодых березок разостлан ковеееер...

Муравьиное братство, гроза и веселье!

Хороши пирожки! Тяжелы вериги!

Но лето еще не закончилось! В этом

весь смыыыысл!»

ВОЛОДЯ. Любочка!

ЛЮБОЧКА. Я иду, Володя. Я иду!

Любочка берет с собой бидончик с чаем.

Дети идут к пруду. Катенька и Любочка по дороге собирают цветы.

НИКОЛЕНЬКА (*заглядывая в корзину*). Сливы, персики, мороженое, пирожки... Любочка, что в бидончике?

ЛЮБОЧКА. Чай!

НИКОЛЕНЬКА. А хорошо бы – молоко с сахаром.

КАТЕНЬКА. Володя, где ты закопал зеленую палочку?

ВОЛОДЯ. У оврага.

КАТЕНЬКА. А под рубашкой у тебя

si tu veux.

МАМАН. Нет! Pas envie! Я хочу, чтобы вы остались, Мими. У меня к вам будет одно дело. Может, Петр, ты хочешь погулять с детьми?

Наталья Савишина уже выталкивает детей за дверь.

ПЕТР. Если вам с Мими нужно поговорить наедине – я могу подняться к себе в кабинет. Только я не доел...

Маман решительно направляется к фортепьяно, делает несколько аккордов.

МАМАН. Что вы думаете, Мими?

МИМИ. Кажется, инструмент расстроился.

Входит Гриша.

ГРИША. Ага, попались!

МАМАН. Гриша, милый, садись к столу. Дети только ушли. Вот здесь есть место.

Гриша стоит, не шевелится.

ГРИША. О-ох жалко! О-ох больно!.. сердечные... улетят.

МАМАН. Что ты, Гриша? Садись.

Гриша медленно двигается к предложенному месту и глядит на Маман.

ГРИША. Жалко!.. Улетит голубь в небо... Ох, на могиле камень...

Гриша садится на место, жадно

– что?

ВОЛОДЯ. Под рубашкой – другая.

КАТЕНЬКА. Зачем закопал такую хорошую палочку?

ВОЛОДЯ. Потом расскажу.

Дети расстилают ковер у пруда, садятся на ковер, девочки плетут венки, мальчики валяются.

ест.

МАМАН (*Папа*). Вели, пожалуйста, запирать своих страшных собак, а то они чуть не закусили бедного Гришу, когда он проходил по двору. Они этак и на детей могут броситься.

ГРИША. Хотел, чтобы загрызли...

Бог не попустил. Грех собаками травить! большой грех! Не бей, что бить? Бог простит... дни не такие.

ПАПА. Что это он говорит? Я ничего не понимаю.

МАМАН. А я понимаю. Он мне рассказывал, что какой-то охотник нарочно на него пускал собак, так он и говорит: «Хотел, чтобы загрызли, но Бог не попустил», — и просит тебя, чтобы ты за это не наказывал его.

ПАПА. А! вот что! Ты знаешь, я вообще не большой охотник до этих господ, но этот особенно мне не нравится.

МАМАН. Ой, не говори этого, мой друг.

ПАПА. Я имел случай изучить эту породу людей — все на один покрой. Меня сердит, когда я вижу, что люди умные и образованные вдаются в обман. Потому прекрасно делают, когда таких людей сажают в полицию. Они приносят только ту пользу, что расстраивают и без того слабые нервы некоторых особ.

МАМАН. Трудно поверить, чтобы человек, который, несмотря на свои шестьдесят лет, зиму и лето ходит босой и носит под платьем вериги в два пуда весом, и который не раз отказывался от предложений жить спокойно и на всем готовом, — трудно поверить, чтобы такой человек все это делал только из лени.

Катенька, шутя (ага-ага), надевает на голову Николеньки венок. Тут же хватает пирожок и ест его так, будто три дня голодала. Николенька целует Катеньку в плечо. Катенька хватается следующий пирожок, ест.

ВОЛОДЯ. Что за нежности?

ЛЮБОЧКА. Ну, вот что? Давайте в Робинзонов.

ВОЛОДЯ. Нет... скучно.

КАТЕНЬКА. Ну, пожалуйста...

ВОЛОДЯ. Право, не хочется.

ЛЮБОЧКА. Так лучше бы дома сидеть, коли никто не хочет играть?

ВОЛОДЯ. Ты рассуждаешь, как папаша. Не плачь! Терпеть не могу!

НИКОЛЕНЬКА. Давайте в рыбалку! Хватайте палки! Это весла! Сядем на ковре по обе стороны. Садитесь! Гребем!

Папа тяжело вздыхает. Гриша посмеялся и ест. Входит Карл Иваныч с листком. Подает листок Папе.

ПАПА. Что это...

КАРЛ ИВАНЫЧ. Читайте сами. Мне – стыдно и больно, но я не могу, не могу, не могу... как еще? Читайте!

ПАПА (*читает*). Для детьей два удочка — 70 копек. Цветной бумага, золотой коемочка, клестир и болван для коробочка, в подарках — 6 р. 55 к. Книга и лук, подарка детьям — 8 р. 16 к. Панталон Николаю — 4 рубли. Обещаны Петром Алексантровичь из Москву золотые часы в 140 рублией... Итого...

ПАПА. Карл Иваныч!

КАРЛ ИВАНЫЧ. Петр Александрыч, я так привык к детьям, что не знаю, что буду делать без них. Лучше я без жалованья буду служить вам.

ГРИША. Улетят птенцы, эх.

ПАПА. Что с тобой? Ты будто дрожишь?

МАМАН. Да, мой друг.

ПАПА. А знаешь, что я сейчас решил?

МАМАН. Что, мой друг?

ПАПА. Я беру Карла Иваныча с детьми. Место в бричке есть. Они к нему привыкли, и он к ним, кажется, точно привязан; а семьсот рублией в год никакого счета не делают.

МИМИ (*тихо*). Combien? Семьсот рублией?

МАМАН. Я очень рада.

Карл Иваныч от счастья хватается Мими, пускается в пляс. Маман хохочет. Мими возмущается по-французски, но продолжает скакать

ВОЛОДЯ. От того, что мы будем больше или меньше махать руками, мы ничего не выиграем и не проиграем и все же далеко не уедем.

Молчание. Катенька отчаянно ест сливу. Любочка распласталась на ковре и смотрит в небо.

НИКОЛЕНЬКА. Я сам знаю, что из палки не только что убить птицу, да и выстрелить никак нельзя. Это игра. Коли так рассуждать, то и на стульях ездить нельзя. Ежели судить по-настоящему, то игры никакой не будет. А игры не будет, что ж тогда остается?..

Володя ходит кругами, потом падает на ковер. Незаметно плачет.

ВОЛОДЯ. Такая игра. Слушайте. Она взрослая.

КАТЕНЬКА. Зачем нам взрослые игры?

ВОЛОДЯ. Для счастья. Вот такая игра. Встаете у того вон дерева, как в угол, как если бы вас Мими или Карл Иваныч наказали. Загадываете желание, а потом пять минут думаете, о чем угодно, можно о грехах своих, или про мух и про березовую алею с грибами... Можете думать про котят, про цыплят, про Гришины вериги, про то, как утки то ныряют, то вдруг нет, но только не про белого медведя. Если у вас получится, стоя у березы, только пять минут, ни разу не подумать про белого медведя – ваше желание моментально исполнится. Играем? ЛЮБОЧКА. Играем!

Дети играют в «Белого медведя».

с Карлом Иванычем. Маман бежит к фортепьяно, играет что-то веселое. Гриша ест и улыбается. Папа грозно смотрит на Гришу. Гриша, встретив его взгляд, только головой кивает.

Когда Карл Иваныч заканчивает танец, Мими по-французски выговаривает ему, что он оттоптал ей все ноги, повел себя, как дикарь, что она задыхается, что танец ей понравился, но больше так делать не надо. И что ей его очень жаль, и что она за него рада.

Наталья Савишина подносит Маман какой-то напиток в кружке. Маман благодарит ее кивком, выпивает. Просит Наталью Савишину показать Грише комнату, где он может остановиться.

Наталья Савишина провожает Гришу. Гриша все оглядывается на Маман, утирая слезы и помахивая ей только кончиками пальцев.

ПАПА. Карл Иваныч, не желаете в карты?

КАРЛ ИВАНЫЧ. Я... Могу. Я только... Тревожусь за детей.

ПАПА. Вам еще вещи собирать. Мими, найдите детей. Проверьте, живы ли.

Мими сейчас же испаряется.

ПАПА (Карлу Иванычу.) Партейку?

КАРЛ ИВАНЫЧ. На интерес?

ПАПА. Ни в коем случае! Я сегодня вас один раз разжаловал, у вас есть

Игра эта оказывается такой жестокой и беспощадной, что всех доводит до долгих, горьких, продолжительных слез. Каждый подходит к березе, бормочет что-то, тужится, потом заливается слезами и возвращается на коврик.

НИКОЛЕНЬКА. Володя, а – ты? Можешь?

ВОЛОДЯ. Я так уже сделал.

НИКОЛЕНЬКА. Что сделал?

ВОЛОДЯ. Я продержался. Я ни разу не подумал...

НИКОЛЕНЬКА. А что ты попросил?

ВОЛОДЯ. Я попросил волшебную зеленую палочку. Не чтобы кого-то заклинать, или веслом грести, или бить по башке, а чтобы на ней было написано.

ЛЮБОЧКА. Что написано?

ВОЛОДЯ. Как сделать так, чтобы все были добрыми, счастливыми, не ссорились и даже не умирали...

КАТЕНЬКА. И сегодня ты ее нашел! Нашел? Ты говорил, что нашел!

ЛЮБОЧКА. И что там было написано?

ВОЛОДЯ. Я не прочитал, я спрятал. Я закопал палочку у оврага.

КАТЕНЬКА. Зачем?

ЛЮБОЧКА. Пойдемте откопаем!

ВОЛОДЯ. Нет! Я нарочно забыл, где ее закопал.

ЛЮБОЧКА. Нарочно забыть нельзя.

ВОЛОДЯ. Ты просто маленькая. Нарочно забыть можно.

НИКОЛЕНЬКА. Слушайте... Я сейчас потеряю сознание...

КАТЕНЬКА. Конечно. Падай!

Столько пирожков умял.

НИКОЛЕНЬКА. Я вовсе не поэтому.

ЛЮБОЧКА. Володя!!! Что с ним?!

Зовите Мими, зовите Карла Ивановича!

деньги. Играем на деньги!

КАРЛ ИВАНЫЧ (смеется (ему не весело)). Хорошо, хорошо...

Папа и Карл Иванович играют в карты.

Маман выходит во двор. Видит, что кошка с котятами спит на лужайке. Маман присоединяется к ним.

Маман ласкает котят.

Карл Иванович выигрывает в карты.

ПАПА. Наталья Савишна!

Наталья Савишна немедленно материализуется в пространстве.

ПАПА. Где графиня?

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Во дворе, с котятами.

ПАПА. С какими котятами?

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Да вот с теми, что Рыська... Да вот эта история...

ПАПА. Ну, полно. Пусть. Пусть.

Папа идет в свой кабинет, опрокидывает там стаканчик за стаканчиком, курит трубку, думает о чем-то будто важном и сложном.

Маман все играет с котятами.

Мими! Карл Иванович!
ВОЛОДЯ. Давайте затащим его под ковер.

ЛЮБОЧКА. Зачем?

ВОЛОДЯ. Накройте его ковром и сами лезьте под ковер.

Все залезли под ковер.

ВОЛОДЯ. Слушай меня, Николенька. Чувствуешь, что мы под ковром все вместе?

НИКОЛЕНЬКА (слабо). Да...

ЛЮБОЧКА. Так он только притворился мертвым!

ВОЛОДЯ. Тшш! Все иногда так делают. (Николеньке.) Тут я, ты, Любочка и Катенька. Все муравьиное братство.

КАТЕНЬКА. Мы – муравьиное братство?

ВОЛОДЯ. Да.

ЛЮБОЧКА. Что за братство?

КАТЕНЬКА. Ты разве не чувствуешь?

ВОЛОДЯ. Да. Про такое не спрашивают.

КАТЕНЬКА. У меня мурашки.

ЛЮБОЧКА. И у меня.

ВОЛОДЯ. Николенька, ты – что?

НИКОЛЕНЬКА. А я что-то будто счастливый. Сейчас буду всех вас за уши кусать!

Николенька ласковой собакой кидается на своих муравьиных братьев, пробуя откусить им уши.

НИКОЛЕНЬКА. Кусачее муравьиное братство! Кусачее братство!

КАТЕНЬКА. Меня некуси! Я и так ни за что не предам!

НИКОЛЕНЬКА. А ты, Володя?! А ты?!

Наталья Савишина на кухне торопит девок – к ужину собирать.

Карл Иванович и Мими бегают по всему поместью, разыскивая детей.

Папа выходит из дома во двор. Находит Маман (она играет с котятами), присаживается к ней. Они даже вместе заваливаются на траву, даже пробуют смотреть на небо. Только не видят ничего. Ничего ровным счетом не видят. И не потому, что она умирает, а он не знает, а она знает. И не потому, что он игрок, а ее это очень расстраивает, она каждый день видит, как заканчивается личность. Просто им невыносимо скучно вместе, поэтому облака – ну облака, да облака, че до облаков еще докапываться. Папа и Маман пробуют, конечно. И лежать рядом, в целом, приятно. Да все не то. Не то, что надо.

МАМАН. Слушай, Петруша. Жизнь – пустяк, конечно. И мне бы сейчас молчать, а я скажу. Только вот это одно у нас и есть. Только вот это одно.

ПАПА. Что?

МАМАН. Вот то, что сейчас видишь. Вот то, что сейчас слышишь. Вот только это тебе и принадлежит.

ПАПА. Ты сегодня с Гришей разговаривала много? Я перестал тебя понимать.

МАМАН. Ты не понимай. Ты хоть что-нибудь чувствуй. Петя! Да почему человек не может быть

ВОЛОДЯ. Я же первый придумал под ковер забраться!

НИКОЛЕНЬКА. Любочка! Любочка!

ЛЮБОЧКА. Кусай, если хочется.

Мне что-то все равно. Где Мими? Вот бы она меня сейчас отсюда

выволокла и оттащила к фортепьяно.

Скучно без классов. Хочу играть.

НИКОЛЕНЬКА. Разве мы не играем?

ЛЮБОЧКА. На фортепьяно хочу

играть. А тебя, Николенька, я так

люблю. Ужасно. Ужасно. Просто

ужасно. Понимаешь? Можно я тебя

обниму? И тебя. И тебя. Володя, как

это называется?

ВОЛОДЯ. Чувство, наверное.

Наверное, никак не называется.

НИКОЛЕНЬКА *(снова прикидываясь умирающим)*. Ой! Ой!

КАТЕНЬКА. Да что с тобой?

НИКОЛЕНЬКА. Помогите! Мне что-

то хорошо и весело! Мне дружно! У

меня сердце на клочки рвется!

Помогите! Спасите! Ради бога! Кто-

нибудь!..

ЛЮБОЧКА. Боже мой! Что же

делать?

ВОЛОДЯ. Терпи, Николенька, терпи,

это пройдет.

Николенька успокаивается.

Распластался. Все остальные трое

тоже распластались рядом. Под

ковром. Потом вокруг Володи как-то

нечаянно собрались в обжимку.

ЛЮБОЧКА *(нежно обнимая*

Володю). Отвечай, или горло

перекушу. Где зарыл зеленую

палочку?

ВОЛОДЯ. Где надо, там и зарыл.

ЛЮБОЧКА. Говори, что на ней

написано!

ВОЛОДЯ. Что надо, то и написано!

счастливым?! Ведь все вокруг тебя

есть! Петя! Посмотри! Петя, встань

на ноги и просто вот так вот

обернись. Куда ты бежишь? Зачем ты

берешь с собой детей? Никто нас не

слышит. Я скажу тебе громко. Я

прокричу. Петя, кругом только

счастье. Возьми мои деньги –

поправь дела, да и забудем. Разве мы

не можем жить тут как в раю?

Неужели это не рай? Мне хорошо с

тобой. Я вижу, что ты не веришь. Но

я приучила себя тебя любить.

Слышишь? Сбежишь – понятно, что

будет.

ПАПА. Ты дура?

МАМАН. Я... Что вы сейчас

сказали? Я не буду отвечать.

ПАПА. Я задыхаюсь в этой глуши!

Задыхаюсь! Задыхаюсь! Задыхаюсь!

Мне не на что смотреть! Мне нечего

делать! Хочешь, чтобы я пошел

крошить здешних девок?! Я бы

пошел! Да они страшные, как

Гришины подошвы. Что?!

МАМАН. Не все страшные. На

конюшне есть одна...

ПАПА. Помолчи! Да люблю я тебя,

люблю.

МАМАН. Да нет, конечно.

ПАПА. Нет, конечно.

МАМАН. Это все ужасно и

невыносимо.

ПАПА. Да. Это все ужасно и

невыносимо.

МАМАН. И этому нет названия.

ПАПА. Слишком интимная вещь.

МАМАН. Петя, у меня сейчас сердце

разорвется. Петя, я не хочу делать

истерики.

ПАПА. Попробуй тихо и

мужественно плакать. Вот так,

хорошо. Получается?

МАМАН. Конечно.

НИКОЛЕНЬКА. Катенька! Ты к Володе лучше жмись, а не ко мне. Он-то больше знает. Он вон какой.
КАТЕНЬКА. А я знаю, что на зеленой палочке написано. Я подглядела.
ВСЕ. ЧТО?!!
КАТЕНЬКА. Там написано, что хорошо под вонючим и мокрым ковром.

Все смеются.

Наконец гремит безжалостный французский. Это Мими. А потом и веселый немецкий. Это – Карл Иваныч. Дети быстро сворачивают ковер, собирают корзину, выкидывают кости от фруктов.

Бегут домой. Снова грязные. Мими приказывает переодеться. Дети опять (!) переодеваются. Опять Володя с Николенькой толкаются в комнате – тесно им. Опять Любочка смотрит в потолок полуодетая. И ей все хуже-хуже-хуже, все страшнее, она чешет руками постель – так ей хочется играть на фортепьяно. Карл Иваныч заходит в комнату мальчиков. Бранит их по-немецки. Радостно так ругается. Ни дети, ни Карл Иваныч не знают, почему он ругается. Карл Иваныч гоняется за мальчиками, щекочет их. Мальчики, разбесившись, нападают на Карла Иваныча. Катаются на его спине, кусают его за шею, будто вурдалаки. Прячутся под кровати. Володя громыхает своей кроватью. Николенька ему подражает.

НИКОЛЕНЬКА. Мы сбежали на

ПАПА. Зачем к тебе приходил доктор сегодня?

МАМАН. Мне нездоровилось.

ПАПА. Где?

МАМАН. В горле запершило.

ПАПА. И что сказал доктор?

МАМАН. Сказал, что я умру. Нет, Петя, не бледней.

ПАПА. Зачем такие шутки?

МАМАН. Да не бледней, пожалуйста. Мы с тобой так хорошо разговаривали.

ПАПА. Что с тобой?

МАМАН. Только в горле першит.

ПАПА. Тогда нам можно ехать?!

МАМАН. Что?..

Маман возвращается в дом, садится за фортепьяно. Вбегают Наталья Савишна.

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Ой!

Прощения просим. Мосеньку потеряла. Забилась куда, что ли?

МАМАН. Может, дети с собой к пруду взяли. Они сейчас вернутся.

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Нет! Где-то в доме, негодяйка. Вот я по всем углам суюсь-ищу...

Что, голубка? Что вы не играете? Я очень люблю, как вы играете.

МАМАН. Душа моя, помните, как вы вольную разорвали?

НАТАЛЬЯ САВИШНА *(смеется)*.

Помню, как не помнить. *(Хмурится.)* Вы со мной больше таких шуток делать не будете?

МАМАН. Не буду. Только я ведь тогда не шутила. Я тогда не понимала даже, от чего... А я вас помню. В затрапезном платье, босоногой веселой, краснощекой. Как вы бегали по дворам Хабаровки. Нянечка моя!

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Да что с

паровозе! Сбежали на паровозе!
КАРЛ ИВАНЫЧ. А я на крыше!
ВОЛОДЯ. Эй! Зачем вы в туфлях на
кровать?

Игра прекращается.

НИКОЛЕНЬКА. Когда я буду
генералом, я женюсь на чудесной
красавице, куплю себе рыжую
лошадь, построю стеклянный дом и
выпишу из Саксонии ваших родных,
Карл Иваныч.

*Карл Иваныч крепко-крепко
обнимает Николеньку.*

КАРЛ ИВАНЫЧ. Да, мой батюшка,
да.

Карл Иваныч уходит.

НИКОЛЕНЬКА. А ведь ты его сейчас
обидел.

ВОЛОДЯ. Потому что это не дело –
на кровать...

НИКОЛЕНЬКА. Мы же играли.

Володя молчит.

НИКОЛЕНЬКА. Помнишь, я квас
пролил на скатерть? Наталья
Савишна после меня мокрым
полотенцем била по лицу и говорила:
«Не пачкай скатертей! Не пачкай
скатертей!» Вот я разозлился!
Говорит мне *ты*, да еще мокрым
полотенцем по лицу елозит! Как
дворовому мальчишке! Я и
расплакался.

ВОЛОДЯ. Как девочка. Вечно
плачешь.

НИКОЛЕНЬКА. А она тогда дала мне
карамелек и винную ягоду. «Полноте,

тобой творится, моя милая?

МАМАН. Как ты меня холила-
лелеяла...

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Что ты,
ангел?

МАМАН. Ты еще любишь Фоку?

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Я, кроме вас,
никого больше не люблю.

МАМАН. А тогда?

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Тогда – да!
Что тут?! Напудренная голова, чулки
с пряжками. Просила у вашего
батюшки позволения выйти за него
замуж. Меня за то сослали на
скотный двор в степную деревню.
МАМАН. Я шесть месяцев по тебе
плакала.

НАТАЛЬЯ САВИШНА. То-то они
меня и вернули! И какая дурь на меня
нашла! Я как воротилась – сейчас
надела чепец, я с того раза в сторону
Фоки даже не гляжу.

МАМАН. Совсем?

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Как отсекло.

МАМАН. Куда же ты любовь девала?

НАТАЛЬЯ САВИШНА. На тебя
перенесла, голубка. А вы идете замуж
и вручаете мне вольную. Я так
плакала! Чем, думаю, не угодила, что
вы меня со двора гоните...

*Маман и Наталья Савишна смеются,
плачут и обнимаются.*

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Моська!

Моська! Вот она! Вылезла!

Обнаружилась! Показалась! Тоже
хочет плакать и смеяться с нами. Ты
мне сейчас подол порвешь! Моська!
Хватит! Хватит! Вот кто, смотрите,
вольную выпрашивает! А я ей – ни за
что не дам. Потому как – что?

МАМАН. Что?

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Потому

- сказала, мой батюшка, не плачьте. Простите меня, дуру. Я виновата. Уж вы меня простите, мой голубчик. Вот вам».

ВОЛОДЯ. И что?

НИКОЛЕНЬКА. Ничего. Добрым быть положено. Что с тобой сегодня, Володя?

ВОЛОДЯ. А что он, как маленький?

НИКОЛЕНЬКА. Ты сегодня очень быстро растешь. Ну, скажи!

ВОЛОДЯ. Из-за жары.

НИКОЛЕНЬКА. Потом гроза была.

ВОЛОДЯ. Теперь снова жарко.

НИКОЛЕНЬКА. Вот и хорошо. Разве не хорошо?

Входит Любочка.

ВОЛОДЯ. Что?

ЛЮБОЧКА. Ничего.

Входит Катенька.

КАТЕНЬКА. Идемте сейчас на мужской верх. Гриша спит во второй комнате. В чулане прекрасно можно сидеть и мы все увидим.

ЛЮБОЧКА. Что увидим?

КАТЕНЬКА. Гришины вериги.

как... Ну, как же она без меня? Как я без нее? Ведь пропадет. Какая ей вольная?

МАМАН. Гришу хорошо устроили?

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Да где там!

Он разве когда позволит его хорошо устроить? Набрел на чулан с окошком, обрадовался. Здесь, говорит, буду.

МАМАН. Я ведь и правда думаю, что он – святой провидец. А ты – что?

НАТАЛЬЯ САВИШНА. А я – другое.

Я, матушка, вот как. Я думаю, что ежели негодяй Фока еще хоть раз у меня из барского имущества выше нормы попросит – так я Моську обучу, чтобы она его, негодяя, затравила, как того зайца.

Маман понимает, что Наталья Савишна хочет ее развеселить своей деланной простотой. И Маман даже пробует смеяться из благодарности. Но ничего не выходит.

Комната Гриши. Дети спрятались в чулане.

Входит Гриша. В одной руке он держит свой посох, в другой – сальную свечу в медном подсвечнике.

НИКОЛЕНЬКА. Тише!

ВОЛОДЯ. Тише!

КАТЕНЬКА. Тише!

ЛЮБОЧКА. Тише вы!

НИКОЛЕНЬКА. Идет.

ЛЮБОЧКА. Мне не видать!

ВОЛОДЯ. Сюда встань.

КАТЕНЬКА. Ай!

ВОЛОДЯ. Что?

КАТЕНЬКА. Николенька целуется!

ЛЮБОЧКА. Тише!

ВОЛОДЯ. Тише!

НИКОЛЕНЬКА. Тише!

КАТЕНЬКА. Не целуйся!

ГРИША. Господи Иисусе Христе. Мати Пресвятая Богородица. Отцу и Сыну и Святому Духу...

КАТЕНЬКА. Боже мой.

ЛЮБОЧКА. Раздевается...

ВОЛОДЯ. Тише!

ЛЮБОЧКА. Тш!

КАТЕНЬКА. Пф! Пф!

НИКОЛЕНЬКА. Нам всем было жутко в темноте. Мы жались один к другому и ничего не говорили.

Все прыскают со смеху, тыкают и пинают Николеньку. Затихают.

НИКОЛЕНЬКА. Мы не переводили дыхания...

Николенька получает еще. Гриша снимает свой zipун, аккуратно складывает его, кладет на стул.

ГРИША. Маленький мальчик пошел помолиться... Девочка очень любила пить чай... Дедушка думал телегу чинить... Бабушка просто вязала салфетку... Детки резвились у дома в пруду... Повар добавил травинку в еду...

КАТЕНЬКА. Тише! Тише!

ВОЛОДЯ. Да тихо мы. Не шипи!

КАТЕНЬКА. Николенька, скажи ему, чтоб тише был.

ГРИША. Боженька трубку курил на балконе... Дети дорисовали иконе...

Кошка котят научила считать... Бог Богородице – сын, она – мать... Граф захотел погулять вдоль оврага...

КАТЕНЬКА. Вы только мне скажите: он – так молится?

На дворе караульщик стучит в чугунную доску. Гриша опускается на колени.

ГРИША. Известные молитвы, известные молитвы, известные молитвы, еще миллион раз – известные молитвы. И мне прости, и врагам прости, и благодетелям моим – прости тоже. Известные молитвы, известные молитвы. И еще тысячу раз – известные молитвы. Воля твоя, воля твоя, воля твоя.

Господи, я вижу. Но воля, конечно, твоя. Господи, я чувствую. Но твоя воля.

Господи, как с тобой разговаривать, Господи? Господи! Известные молитвы, известные молитвы, еще тысячу раз – и все известные молитвы. Не перестану повторять. Не перестану.

КАТЕНЬКА. И сколько мы тут просидим? Он же так век молиться будет.

ВОЛОДЯ. Сиди и смотри.

КАТЕНЬКА. Николенька, мне Володя с самой грозы не нравится.

НИКОЛЕНЬКА. Мне тоже.

КАТЕНЬКА. Что будем делать?

НИКОЛЕНЬКА. Читать известные молитвы.
ВОЛОДЯ. Да тише вы!
КАТЕНЬКА. Володенька, ну в самом деле? Тише.
ГРИША. Прости мя, Господи. Научи мя, что творить. Научи мя, что творить.
Научи мя, что творить. Господи. Научи мя, что творити...
ЛЮБОЧКА. Володя. Володя?
КАТЕНЬКА. Слушайте. Гриша будто бы плачет...
ГРИША. Гулял по путям бородатый мальчишка... Лицом побежала графиня
к пруду... Топили камин недописанной книжкой...
НИКОЛЕНЬКА. Великий христианин.
ВОЛОДЯ. Даже он не находит слов. Слышите? Не находит слов.
НИКОЛЕНЬКА. У меня ноги затекли.
ВОЛОДЯ. Пошли.
Дети выбираются из чулана. Гриша крестит все углы.

2. УТРО ПАМЯТНОГО ДНЯ.

Володя и Николенька сопят в своих кроватках. Карл Иваныч радостно уничтожает мух.

НИКОЛЕНЬКА. Володя! Пусть над твоей кроватью!

ВОЛОДЯ. Чего?

НИКОЛЕНЬКА. Пусть он над твоей кроватью бьет мух. Он надо мной
издевается так? Потому что я маленький?

ВОЛОДЯ. Может, он тебя любит больше?

НИКОЛЕНЬКА. Что это?

ВОЛОДЯ. Что?

НИКОЛЕНЬКА. Почему утро другое?

ВОЛОДЯ. Слушай, Коля...

КАРЛ ИВАНЫЧ. Ауф, киндер, ауф. Умывайтесь, здоровайтесь с мамашей,
кланяйтесь папаше. Скоро завтрак.

НИКОЛЕНЬКА. Милый Карл Иваныч...

КАРЛ ИВАНЫЧ. Ну, тише. Тише, Коля. Не расплескивай. Тебе еще этот
день жить.

НИКОЛЕНЬКА. Ты будто бы что-то знаешь, а мне сказать не хочешь?

Дети умываются, помогая друг другу. Одеваются, толкаясь.

Спускаются в столовую.

*Катенька гоняется за мухами. Мими считает для Любочки, которая играет
на фортепьяно свою музыку.*

МИМИ. Vous ne jouez pas délibérément au rythme? Un deux, trois! Écoutez! Un,
deux, trois. Stupide fille! un, deux, trois! C'est quoi cette musique? Je ne
comprends pas ce que tu joues! Un, deux, trois!

ЛЮБОЧКА. Нет, вы послушайте, Мими! Разве так не лучше?

МИМИ. Parlez français!

ЛЮБОЧКА. Tu m'as fatiguée, vieille merde. Je me sens mal! Je me sépare.

МИМИ. Я ничего об этом не знаю.

ЛЮБОЧКА. Parlez français!

Любочка продолжает играть, как ей хочется. Маман, Папа, Володя, Николенька и Карл Иванович рассаживаются за столом. Карл Иванович ужасно польщен. Маман бледнее обычного, но чай разливает.

ПАПА. Где Наталья Савишна?

МАМАН. Собачку гуляет.

ПАПА. Сейчас?

МАМАН. Сейчас. Дети! Любочка, иди к столу. Катюша, ты тоже садись.

Уже всех поймала.

КАТЕНЬКА. Да вон еще одна.

МАМАН. Садись.

Тут садятся все.

МАМАН. Что, Володя, вкусно?

ВОЛОДЯ. А?

МАМАН. Молоко с сахаром. Вкусно?

ВОЛОДЯ. Наверное. Я в этот раз еще не пробовал...

МАМАН. А где же Гриша?

МИМИ. Он молится у пруда.

МАМАН. Ну, славно. Дети! Папа хочет вам сообщить новость.

ПАПА. Я думал сделать это не за завтраком. Я думал – после, в кабинете...

МАМАН. От чего? Нет. Сейчас.

ПАПА. Хорошо. Дети. Я нынче еду в Москву. И вы, мальчики, едите со мной. Вы уже выросли из Робинзонов, надо вам серьезно учиться. Жить будем у бабушки. Карл Иваныча берем с собой, чтобы он за вами приглядывал. А матушка с девочками и Мими пока остаются тут – в раю, у инструмента, с котятами, с веригами, с молитвами о нас, с сиропом от кашля.

МАМАН. Как ты хорошо сказал! Мальчики, наверное, сейчас так рады! Вы рады, мальчики?

Володя и Николенька молчат. Катенька ест. Любочка бежит к фортепьяно, играет.

МИМИ. Pas au rythme! Pas au rythme! Qu'est-ce que tu joues? Un, deux, trois...

Écoute-moi! Un! Deux! Trois!

ПАПА. Перестань!

МАМАН. Зачем ты кричишь?

ПАПА. Доедайте и собирайте вещи. Едем немедленно... Что, Николай? Ты хотел меня о чем-нибудь спросить?

НИКОЛЕНЬКА. Бывают ли синие зайцы?

ПАПА. Бывают, мой друг, бывают.

НИКОЛЕНЬКА. Так мы уезжаем и оставляем тут матушку?

ВОЛОДЯ. Коля!

НИКОЛЕНЬКА. Не так ли?

ПАПА. Верно, Николенька. Придется вам проститься. Так нужно.

НИКОЛЕНЬКА. Я вижу, что ты хочешь нам объяснить что-то сложное...

В столовую входит Гриша. Смотрит на Маман, потом – на мальчиков. Качает головой, тихо плачет.

ПАПА. Ну, что? Что? Что?

ГРИША. Улетит голубка. Жалко!

НИКОЛЕНЬКА. Папа?

ПАПА. Собирайтесь.

Любочка изо всех сил стучит по клавишам, ноги за голову запрокидывает. Катенька взбирается на подоконник и там, за тюлевой занавеской, сидит неподвижно, наблюдая за остальными. Карл Иваныч уговаривает Мими пойти с ним в лес на прогулку. Маман наблюдает за траекторией полета последней живой мухи. Папа быстро наедается и спешит пить и курить в свой кабинет – его сундуки уже собраны. Гриша крестит все углы в доме.

3. ВЕЧЕР ПАМЯТНОГО ДНЯ.

НИКОЛЕНЬКА. Ах, милая, милая мамаша, как я тебя люблю!

МАМАН. Так ты меня очень любишь?

НИКОЛЕНЬКА. Очень! Очень!

МАМАН. Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будет твоей мамаша, ты не забудешь ее? Не забудешь, Николенька?

НИКОЛЕНЬКА. Ни за что не забуду. Только ты больше не говори этого!

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Моська! Моська! Поди сюда! Сюда иди! Кому сказала?! Вот умница, какая умница. Славная девочка, славная! Тут рядом будь. Что у тебя здесь? Кто за ухо хватал? Хватал кто-нибудь за ухо? Ой, нет же. Показалось? Что? Чего скулишь? Да-да, барчат провожаем. Ну, не плачь, не плачь, моя миленькая. Я сейчас вместе с тобой расплачусь. Нет, вкусного не дам. Что наше – то постное, что барское – не наше. Слышишь, что говорю? Слышишь ли?

ВОЛОДЯ. Николенька, тебе не тесно?

НИКОЛЕНЬКА. Нет.

ВОЛОДЯ. Я думал, ты ревешь, что тебе тесно, а ехать далеко.

ЛЮБОЧКА. Володя, признавайся теперь!

ВОЛОДЯ. Что?

ЛЮБОЧКА. Где зеленую палочку спрятал? Теперь – признавайся.

ВОЛОДЯ. Забыл. Сказал же, что забыл.

КАТЕНЬКА. Ты плохой, Володя.

ВОЛОДЯ. Не ищи палочку, Катенька! Загадай желание, встань у березы и не думай о белом медведе!

КАТЕНЬКА. Забыл?

ВОЛОДЯ. Забыл!

КАТЕНЬКА. А я вот тогда тебя нарочно забуду! Загадаю желание, встану у березы и не буду про тебя думать ни минуточки!

ВОЛОДЯ. Николенька, ты чего? Хочешь, чтобы она *о тебе* ни минуточки не думала? Давай я ее попрошу?

КАРЛ ИВАНЫЧ (*разнимая дерущихся детей*). Kämpft nicht, Kinder! Was ist mit Ihnen los? Kämpft nicht! Hier ist genug Platz für alle. Und weine nicht! Vergeblich. sie werden es in Moskau mögen. Ich bin bei Ihnen. Wir trennen uns nicht.

4. МОСКВА

Мальчики причесываются перед зеркалом.

НИКОЛЕНЬКА. Что мне делать с этими вихрами?

ВОЛОДЯ. Да уж ничего не делай. У тебя добрые глаза, приятная улыбка...

НИКОЛЕНЬКА. Володя, я сейчас буду драться.

ВОЛОДЯ. Тебе поэтому приходится расти умным.

НИКОЛЕНЬКА. Я не шучу, я стукну!

ВОЛОДЯ. Помнишь, как маменька говорила?

НИКОЛЕНЬКА. Взгляни в окно! Это кто?

ВОЛОДЯ. Должно быть, Ивины.

НИКОЛЕНЬКА. Кто такие?

ВОЛОДЯ. Ну, родственники какие-то.

НИКОЛЕНЬКА. Много же у них детей...

ВОЛОДЯ. Вот того помню. Который курносый, видишь? Сережа. Мы с ним, кажется, в детстве дрались.

НИКОЛЕНЬКА. Ох, что же делать с вихрами?

ВОЛОДЯ. Ты уже так напوماжен, что на воротник капает...

НИКОЛЕНЬКА. Надо же, как повезло. Только приехали – и тут же прием.

ВОЛОДЯ. И не говори. Не могла наша бабка на месяц позже родиться?

НИКОЛЕНЬКА. Володя!

ВОЛОДЯ. А?

НИКОЛЕНЬКА. Да кто тебя покусал?

Бабушка в зале молится, сгорбившись и опершись на спинку стула.

Карл Иванович и Папа стоят поодаль.

ПАПА (*шепотом*). После обеда иду играть. Вы, Карл Иванович, голубчик, проследите, чтобы мальчики не очень докучали графине. Еще лучше, чтобы совсем ей на глаза не попадались.

КАРЛ ИВАНЫЧ. А к вечернему приему вернетесь?

ПАПА. Непременно.

Папа уходит.

Входит Княгиня. Бабушка останавливает молитву (чем очень недовольна), занимает свое место, приветствует Княгиню.

БАБУШКА. Про вас даже не объявили.

КНЯГИНЯ. Не успели. Я бежала вперед. Вот, смотрите, я теперь и сама вам о себе объявляю.

БАБУШКА. Чудесно.

КНЯГИНЯ. Ma bonne tante, я прошу у вас прощения за князя. Сам он

ВОЛОДЯ. Еж.

НИКОЛЕНЬКА. Еж?

ВОЛОДЯ. Еж. Я, когда палочку прятал, он выскочил из-за куста, да как вцепится. Вот, смотри. Осталось от зубов.

Николенька наклоняется посмотреть, Володя хватает Николеньку за нос, потом портит ему прическу, валит на кровать, щекочет.

НИКОЛЕНЬКА. Ежи не скачут! Ежи не скачут!

ВОЛОДЯ. Скачут только так. Вот! Вот! Вот!

Входит Сережа.

СЕРЕЖА. Мне сказали, что вы тут, и что к вам можно. Я – Сережа Ивин.

ВОЛОДЯ. Князь Ивин?

Сережа пожимает плечами и улыбается.

ВОЛОДЯ. Я вас помню. Мы прежде встречались.

СЕРЕЖА. Наверное.

ВОЛОДЯ. Я – Володя. А это мой брат Николенька.

СЕРЕЖА. Очень рад.

НИКОЛЕНЬКА. Тесно было в карете?

СЕРЕЖА. Не знаю, я ведь никогда не езжу в карете, потому что, как только я сяду, меня сейчас начинает тошнить, и маменька это знает. Когда мы едем куда-нибудь, я всегда сажусь на козлы — гораздо веселей — все видно, Филипп дает мне править, иногда и кнут я беру. Этак проезжающих, знаете, иногда,

никак не мог приехать, несмотря на сильнейшее желание.

БАБУШКА. Очень вам благодарна, моя милая, за вашу внимательность; а что князь Михайло не приехал, так что ж про то и говорить... у него всегда дел пропасть; да и то сказать, что ему за удовольствие со старухой сидеть? Что, как ваши детки, моя милая?

КНЯГИНЯ. Да, слава Богу, ma tante, растут, учатся, шалят... Они сейчас играют в саду.

БАБУШКА. Как замечательно.

КНЯГИНЯ. Старшего пришлось недавно высечь...

БАБУШКА. Разве вы *бьете* своих детей, моя милая?

КНЯГИНЯ. Ах, ma bonne tante, я знаю, какого вы мнения на этот счет; но позвольте мне в этом одном с вами не согласиться: сколько я ни думала, сколько ни читала, ни советовалась об этом предмете, все-таки опыт привел меня к тому, что я убедилась в необходимости действовать на детей страхом. Чтобы что-нибудь сделать из ребенка, нужен страх... А чего дети боятся больше, чем розги? Как ни говорите, а мальчик до двенадцати и даже до четырнадцати лет все еще ребенок; вот девочка — другое дело.

БАБУШКА. Да, это прекрасно, моя милая, это очень хорошо, только скажите мне, пожалуйста, каких после этого вы можете требовать деликатных чувств от ваших детей? Впрочем, у каждого на этот счет может быть свое мнение.

Входит Иван Иванович.

прекрасно!

Голос снизу:

- *Ваше сиятельство, Филипп спрашивает: куда вы кнут изволили деть?*

СЕРЕЖА. Как куда дел? Да я ему отдал.

- *Он говорит, что не отдавали.*

СЕРЕЖА. Ну, так на фонарь повесил.

- *Филипп говорит, что и на фонаре нет, а вы скажите лучше, что взяли да потеряли, а Филипп будет из своих денежек отвечать за ваше баловство.*

СЕРЕЖА. Ну, потерял, так потерял, что стоит ему кнут, так я и заплачу.

Вот уморительно!

- *Нет, позвольте, барин, чем-то вы заплатите? Знаю я, как вы платите: Марье Васильевне вот уж вы восьмой месяц двугривенный все платите, мне тоже уж, кажется, второй год, Петрушке...*

СЕРЕЖА. Замолчишь ли ты!

- *Вот я все это скажу. Все скажу, все скажу! Нехорошо, ваше сиятельство!*

СЕРЕЖА. Звали чай пить. Да мы хотим играть в разбойников. Будете с нами?

ВОЛОДЯ. Николенька никак не может. У него голова напояжена. Нужно, чтобы до вечера так же аккуратно было...

НИКОЛЕНЬКА. А Володя вырос. Он теперь только в карты играет.

Сережа хохочет. Володя и Николенька подхватывают его заразительный смех и бегут играть.

Внизу знакомятся со страшными, как смерть, девочками и мальчиками.

ИВАН ИВАНЫЧ. Bonjour, chère cousine

БАБУШКА. О, мой милый!

ИВАН ИВАНЫЧ. Что за день!

БАБУШКА. У меня голова болит на погоду.

ИВАН ИВАНЫЧ. А у меня суставы выворачивает. Но – какой румянец! Какой блеск в глазах! Какой бодрый тон!

БАБУШКА. Кто-нибудь, подайте Иван Иванычу корзину для его банальностей, пусть он оставит их в прихожей.

ИВАН ИВАНЫЧ. Душа моя, меня зовут Иван Иваныч.

Бабушка смеется.

ИВАН ИВАНЫЧ. Я по праву рождения большой враг всякой оригинальности. Я даже считаю, что оригинальность есть уловка людей дурного тона.

Княгиня «цыкает». Бабушка и Иван Иваныч переживают этот жест тяжело, но молча.

ИВАН ИВАНЫЧ. Отчего это наша милая Наталья Николаевна не приехала?

БАБУШКА. Карл Иваныч, могу я просить вас проводить Княгиню в сад? Я что-то тревожусь за детей. Пожалуйста.

КАРЛ ИВАНЫЧ. Княгиня?

КНЯГИНЯ. Да, я иду. А можно просить чай на веранду?

БАБУШКА. Конечно.

КНЯГИНЯ. Я только за тем и ехала, чтобы сделать вам приятно.

БАБУШКА. И с вами Карл Иваныч.

КНЯГИНЯ. А большего мне и не

Серезжа выгодно отличается от всего семейства (Бабушка уверена, что Княгиня его «нагуляла» с кучером.), играют в разбойников. Серезжа – за разбойника, гонится за «проезжающими» и больно бьется коленом о дерево. Николенька-жандарм сейчас же бежит к Серезже.

НИКОЛЕНЬКА. Сергей! Вы сильно ушиблись? Позвать кого-нибудь? Очень больно?

СЕРЕЖА. Ну, что это? После этого игры никакой нет! Ну, что ж ты меня не ловишь? Что ж ты меня не ловишь?

Серезжа-разбойник бежит от Николеньки-жандарма.

Окончив игру, дети собираются во дворе под вишнями. Серезжа ходит на руках. Девочки кувыркаются, садятся в шпагаты, потом долго трясутся от муравьев, Володя несколько раз ловко взбирается на дерево и прыгает с ветки, приземляясь с перекатом. Николенька делает колесо. Один только Иленька Грап сидит на лавочке у дома и все никак не может отдышаться после игры в разбойников.

СЕРЕЖА. Иленька, вы очень устали?

ИЛЕНЬКА. Очень.

СЕРЕЖА. Попробуйте сделать это; право, это не трудно.

ИЛЕНЬКА. Нет. У меня силы нету.

СЕРЕЖА. Да что ж, в самом деле, отчего он ничего не хочет показать? Что он за девочка... Непременно надо, чтобы он стал на голову!

надо!

БАБУШКА. Скажите еще, что вам к чаю подать.

Княгиня и Карл Иванович уходят.

БАБУШКА. Ah! mon cher, она, верно бы, приехала, если б была свободна делать, что хочет. Она пишет мне, что будто Pierre предлагал ей ехать, но что она сама отказалась, потому что доходов у них будто бы совсем не было нынешний год; и пишет:

«Притом, мне и незачем переезжать нынешний год всем домом в Москву. Любочка еще слишком мала; а насчет мальчиков, которые будут жить у вас, я еще покойнее, чем ежели бы они были со мною». Все это прекрасно! Мальчиков давно пора было прислать сюда, чтобы они могли чему-нибудь учиться и привыкать к свету; а то какое же им могли дать воспитание в деревне?.. Они здесь совершенно как дикие... В комнату войти не умеют.

ИВАН ИВАНЫЧ. Я, однако, не понимаю, отчего эти всегдашние жалобы на расстройство обстоятельств? У него очень хорошее состояние, а Наташину Хабаровку я знаю, как свои пять пальцев, — чудесное именье! И всегда должно приносить прекрасный доход.

БАБУШКА. Я вам скажу, как истинному другу, мне кажется, что все это отговорки, для того только, чтобы ему жить здесь одному, шляться по клубам, по обедам и Бог знает что делать; а она ничего не подозревает. Вы знаете, какая это ангельская доброта — она ему во всем верит. Он уверил ее, что детей нужно везти в Москву, а ей одной, с глупой гувернанткой, оставаться в

НИКОЛЕНЬКА. Непременно,
непременно на голову!

*Дети хватают Иленьку и тащат к
дереву, чтобы поставить на голову.*

ИЛЕНЬКА. Пустите меня, я сам!
Курточку разорвете!

*Дети общими усилиями ставят на
голову сопротивляющегося Иленьку.*

СЕРЕЖА. Вот теперь молодец.

*Иленька, падая, нечаянно бьет ногой
Серезу в глаз.*

ИЛЕНЬКА. За что вы меня тираните?

СЕРЕЖА. Вот баба, нюня, с ним
шутить нельзя... Ну, полно,
вставайте.

ИЛЕНЬКА. Я вам скажу, что ты
негодный мальчишка.

СЕРЕЖА. А-а! Каблуками бить да
еще браниться! Вот тебе! Вот тебе!..

*Сереза несколько раз пинает
Иленьку.*

ВОЛОДЯ. Сергей! Сергей! Надо к
лицу холодное приложить.

СЕРЕЖА. Бросим его, коли он шуток
не понимает...

Плачет? Вот хорошо. Я вот не
заплакал сегодня, как разбил себе
ногу почти до кости!

Дети кричат: «Валахины приехали!»

Появляется Сонечка.

СЕРЕЖА. Э! Да у нас, видно, будут
танцы. Надо перчатки надевать.

деревне, — она поверила; скажи он
ей, что детей нужно сечь, так же, как
сечет своих княгиня Варвара
Ильинична; она и тут, кажется бы,
согласилась. Да, мой друг, я часто
думаю, что *он* не может ни ценить, ни
понимать ее и что, несмотря на всю
ее доброту, любовь к нему и старание
скрыть свое горе — я очень хорошо
знаю это, — она не может быть с ним
счастлива; и помяните мое слово,
если он не...

ИВАН ИВАНЫЧ. Eh, ma bonne amie,
я вижу, вы несколько не стали
благоразумнее — вечно
сокрушаетесь и плачете о
воображаемом горе. Ну, как вам не
совестно? Я *его* давно знаю, и знаю за
внимательного, доброго и
прекрасного мужа и главное — за
благороднейшего человека, un parfait
honnête homme. Кто там приехал?

Иван Иваныч выглядывает в окно.

ИВАН ИВАНЫЧ. Госпожа Валахина
с дочерью.

*Карл Иваныч развлекает Княгиню,
«вспоминает молодость», неловко и
жалко. Но Княгиня такая
интересная женщина, что охотно
отзывается на неловкие ухаживания
Карла Иваныча. Много смеется,
поправляет ему прическу,
обмахивается, чем придется. Громко
хвалит, как героя, за победу над
назойливой осой, за которой погнался
Карл Иваныч.*

*Папа играет в карты на деньги.
Много пьет. Улыбается разным
женщинам. Обильно потеет, трет
затылок и лицо. Громко смеется,*

*Все мальчики смотрят на Сонечку.
Глаз от нее оторвать не могут.*

НИКОЛЕНЬКА (*тихо*). Вот если бы здесь была Наталья Савишна: у нее, верно бы, нашлись и перчатки.

ВОЛОДЯ. Иди ангажируй даму.

НИКОЛЕНЬКА. Володя, ты и не подумал об этом!

ВОЛОДЯ. О чем? А! О перчатках, и точно нет; надо спросить у бабушки... Что она скажет?

НИКОЛЕНЬКА. Бабушка! Что нам делать? У нас перчаток нет!

ВОЛОДЯ (*голосом бабушки*). Что, мой друг?

НИКОЛЕНЬКА. У нас перчаток нет.

ВОЛОДЯ (*голосом бабушки, протягивая Николеньке дырявую перчатку*). А это что? *Vouez, ma chère, voyez comme ce jeune homme s'est fait élégant pour danser avec votre fille.*

*Николенька и Володя смеются.
Николенька надевает дырявую перчатку, идет к Сонечке.*

НИКОЛЕНЬКА. *Vous êtes une habitante de Moscou?*

СОНЕЧКА. Угу.

НИКОЛЕНЬКА. *Et moi, je n'ai encore jamais fréquenté la capital.*

СОНЕЧКА. Где вы нашли такую уморительную перчатку?

*Николенька и Сонечка танцуют.
Потом Николенька пьет вино. И еще, и еще, и еще танцует с Сонечкой.*

посматривает на часы, потирает ладони.

Наталья Савишна кладет на лоб Маман мокрое полотенце.

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Доктор сейчас придет.

МАМАН. Спасибо, душа моя.

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Вот вам мокрая тряпка на лоб – лекарство от всех болезней.

Наталья Савишна и Маман смеются.

КАТЕНЬКА (*в дверях*). А что смешного?

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Иди, Катюша. Иди.

КАТЕНЬКА. Я внизу больше не могу. Там Любочка играет.

НАТАЛЬЯ САВИШНА. А где Мими?

КАТЕНЬКА. Она тоже больше внизу не может.

МАМАН. Катенька, ты плакала?

КАТЕНЬКА. Я – немножко.

МАМАН. Что, дитя?

КАТЕНЬКА. Да вспомнила, как щенка за забор несли, потом как поваренок Рябу в суп тащил, как птенчики из гнезда вывалились, а потом – никак... Да я уже отплакала.

Наталья Савишна, маменька где-то бегают. Вы спуститесь, скажите Любочке, чтобы перестала.

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Сама ее попроси.

КАТЕНЬКА. Она меня не слушает!

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Катюша!

КАТЕНЬКА. Что вы кричите?

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Иди с Моськой погуляй!

КАТЕНЬКА. Ну вас!

Николенька идет через Бабушкин кабинет, любуется на себя в зеркало. За его спиной возникает Володя.

ВОЛОДЯ. Кавалер, а? Даже в перчатке.

НИКОЛЕНЬКА. Даже в перчатке. Хорошо я танцевал?

ВОЛОДЯ. Уморительно.

НИКОЛЕНЬКА. Завидуешь?

ВОЛОДЯ. Еще бы.

НИКОЛЕНЬКА. Если бы я всегда был такой, как теперь... Я бы еще мог понравиться.

ВОЛОДЯ. Вина больше пей.

НИКОЛЕНЬКА. Что вино? Володя!

ВОЛОДЯ. Слышал, как Сонечка уговаривала матушку остаться еще на полчаса.

НИКОЛЕНЬКА. Только на полчаса?

ВОЛОДЯ. Беги!

Николенька убегает. Володя тоже любуется на себя в зеркало.

Николенька и Соня сидят в саду под вишневым деревом. Соня плюется вишневыми косточками. Николенька млеет, но держится.

НИКОЛЕНЬКА. Не правда ли, что нынче очень весело?

СОНЕЧКА. Да... очень!

НИКОЛЕНЬКА. Но если бы вы знали, как мне жалко, что вы скоро уедете, и мы больше не увидимся.

Катенька убегает. Любочка очень хорошо играет на фортепьяно.

Папа входит в зал, кланяется Бабушке.

БАБУШКА. Где вы пропадали, Петруша?

ПАПА. Вы мне простите. По делам.

БАБУШКА. Уладили дела? Все равно. Не отвечайте. Я не люблю праздники, но все-таки...

ПАПА. Послушайте...

БАБУШКА. Нет-нет. Не отвечайте.

ПАПА. Дети приготовили вам подарки. Это – от Володи.

БАБУШКА. Какая прекрасная акварель.

ПАПА. А Николая написал стихотворение.

БАБУШКА. Какое ужасное стихотворение!

ИВАН ИВАНЫЧ. Боже мой!

БАБУШКА. Ужас.

ИВАН ИВАНЫЧ. Володя – заглядение.

БАБУШКА. А Николая – поэт.

ИВАН ИВАНЫЧ (*смеется*). Ужас!

БАБУШКА. Ужас! И в кого это?

Наташенька такая умница.

ИВАН ИВАНЫЧ. Природе тоже нужен отдых.

Бабушка и Иван Иванович смеются. Папа не знает, куда себя деть.

СОНЕЧКА. Отчего ж не увидимся?
Каждый вторник и пятницу мы с мамашей ездим на Тверской. Вы разве не ходите гулять?

НИКОЛЕНЬКА. Непременно будем проситься во вторник, и если меня не пустят, я один убегу — без шапки. Я дорогу знаю.

СОНЕЧКА. Знаете что? Я с одними мальчиками, которые к нам ездят, всегда говорю *ты*; давайте и с вами говорить *ты*. Хочешь?

НИКОЛЕНЬКА. Давай...те.

СОНЕЧКА. Давай *ты*, а не давайте.

- Сонечка!

СОНЕЧКА. Мне пора.

НИКОЛЕНЬКА. Свидимся.

СОНЕЧКА. Мерси.

Сонечка убегает. В саду появляется Сережа.

НИКОЛЕНЬКА. Устали?

СЕРЕЖА. Маменьку ищущу. Право, надо ехать.

НИКОЛЕНЬКА. Она, наверное, в доме. На случай, если не увидимся — счастливого пути.

СЕРЕЖА. Ладно.

Сережа уходит. Приходит Володя.

ВОЛОДЯ. Распрощался? Какова Московская жизнь, а? А ты ехать не хотел. Все ревел.

НИКОЛЕНЬКА. Нет. Я вот сейчас расплачусь. В тот раз мне маменьку было страшно оставить.

ВОЛОДЯ. Больше не страшно?

НИКОЛЕНЬКА. Я скучаю. А плакать буду не поэтому. И ты надо мной не смейся. Я счастлив, Володя.

Папа идет в Бабушкин кабинет. Мимо него проходит Володя.

ПАПА. Бабушке понравилась твоя акварель.

ВОЛОДЯ. Ну я очень рад. Ты чего не танцуешь?

ПАПА. Устал. А ты иди танцуй.

ВОЛОДЯ. А мне не хочется.

ПАПА. От чего?

ВОЛОДЯ. Мы с князем Ивиным сегодня очень обидели одного человека. Я про это думаю. И мне не весело. Я бы Гришу сейчас попросил за меня помолиться.

ПАПА. Что ты такое говоришь, Володя? На тебя это совсем не похоже.

ВОЛОДЯ. Ты сейчас очень пьян? Можно тебе что-нибудь сказать?

ПАПА. Я вовсе не пьян, говори.

Володя молчит. Уходит. Папа садится писать письмо. Мнет листы. Хватается за голову. В кабинет входит Княгиня.

ПАПА. Вы говорили с Карлом Ивановичем?

КНЯГИНЯ. Да. Потом его ужалили, он раздулся... И... Исчез. Почему вы не танцуете со всеми?

ПАПА. Не знаю.

КНЯГИНЯ. У меня столько детей, что я устала. А где библиотека?

ПАПА. Вы хотите, чтобы я вам показал библиотеку?

КНЯГИНЯ. Наверное.

Папа и Княгиня уходят в библиотеку.

ВОЛОДЯ. Это видно.

НИКОЛЕНЬКА. Видно?

ВОЛОДЯ. Ну.

НИКОЛЕНЬКА. Шел из кабинета бабушки мимо чулана и думал: «Что бы это было за счастье, если бы можно было весь век прожить с ней в этом темном чулане! и чтобы никто не знал, что мы там живем».

ВОЛОДЯ. Как муравьиные братья?

НИКОЛЕНЬКА. Нет, Володя, ну что ты... Совсем не так. Ты не можешь себе представить, что со мной делается... Только одного я бы желал, чтобы всегда с ней быть, всегда ее видеть, и больше ничего. А ты влюблен? Признайся по правде, Володя.

ВОЛОДЯ. Может быть.

НИКОЛЕНЬКА. Давай толковать о ней. Не правда ли, что прелесть?.. Такая прелесть, что скажи она мне: «Николаша! Выпрыгни в окно или бросься в огонь», ну, вот, клянусь! — сейчас прыгну, и с радостью. Ах, какая прелесть! Ужасно хочется плакать, Володя.

ВОЛОДЯ. А я думаю, что, если бы можно было, я сначала хотел бы сидеть с ней рядом и разговаривать. Потом расцеловал бы ее пальчики, глазки, губки, носик, ножки — всю бы расцеловал...

НИКОЛЕНЬКА. Глупости!

ВОЛОДЯ. Ты ничего не понимаешь.

НИКОЛЕНЬКА. Уезжают.

Вдруг Володя вскакивает с места, бежит к калитке, кричит: «Иленька, прости! Иленька, прости нас! Иленька, пожалуйста, прости! Не делайся злым! Мы – негодяи. Мы впредь никогда так не поступим! Иленька! Слышишь? Прости! Мне

стыдно! Мне так стыдно!»

НИКОЛЕНЬКА. Володя, не кричи. Бабушке это точно не понравится, если услышит. А если спрашивать начнет?

ВОЛОДЯ. Начнет спрашивать – я расскажу, я раскаюсь. Гриша носит вериги, а мы смеялись, Коля, чтобы только Сереже понравиться! А у тебя в голове одна любовь.

НИКОЛЕНЬКА. Володя, что ты как маленький?

ВОЛОДЯ. Болит. Когда болит – всякий, как маленький. Видел, что с Карлом Иванычем стало? Его оса так покусала, что он заскулил по-французски.

НИКОЛЕНЬКА. Не может быть.

ВОЛОДЯ. Вот тебе крест.

НИКОЛЕНЬКА. Поговорим еще?...

ВОЛОДЯ. Нет.

Володя уходит.

НИКОЛЕНЬКА. Ты. Ты. Тебе. Тебя. Твое. Можно Тебя обнять? У Тебя красивое плечо. Мне так нравятся твои кудряшки. Ты – Ангел, ты – Ангел. У Тебя какая любимая погода? Ты любишь грозу? Ты когда-нибудь пряталась под телегой? Ты играла в Робинзонов? Ты любишь молоко с сахаром? А собак Ты любишь? А котят? Тебе нравится твое имя? Ты хранишь под кроватью сокровища? Ты много молишься? Кого Тебе жалко? Ты, наверное, редко плачешь. Ты такая мудрая, смелая и веселая. Ты бы пошла за меня замуж когда-нибудь потом?

5. ПИСЬМО.

Комната Маман. Маман лежит на кровати. Входят Мими и Наталья Савишна.

МИМИ. Все вас зовет. Идите. Говорит, что-то видела.

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Во сне?

МИМИ. Не понимаю.

НАТАЛЬЯ САВИШНА (*Маман*). Что? Что, душа моя?

Маман что-то говорит, не слышно.

МИМИ. Просит писать письмо. Будет вам диктовать.

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Голубушка. Да я ведь не грамотная. (*Мими.*) А вы что же? Пишите вы.

МИМИ. Я – нет. Я такое не могу.

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Какое – такое?

МИМИ. Просит позвать Любочку.

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Любочка! Любочка!

Прибегает Любочка.

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Любочка, сейчас пиши за мамой.

ЛЮБОЧКА. Пишу, мамочка. Что писать?

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Что она говорит?

МИМИ. Говорит: «Папе пиши».

ЛЮБОЧКА. Это ясно.

МИМИ. Так начни... Пишешь?

ЛЮБОЧКА. Да, да...

МИМИ. Я четвертый день не встаю с постели. Не пугайся. Я чувствую себя довольно хорошо. Если доктор позволит, завтра думаю встать. Как вышло? После чаю села играть с Любочкой в четыре руки...

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Ты все пишешь?

ЛЮБОЧКА. Пишу, пишу.

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Поспеваешь?

ЛЮБОЧКА. Дальше.

МИМИ. После чаю села играть с Любочкой в четыре руки...

ЛЮБОЧКА. Написала.

МИМИ. Ты не узнаешь ее! Она сделала такие успехи!

ЛЮБОЧКА (*врет*). Написала.

МИМИ. Но представь себе мое удивление, когда я заметила, что не могу счесть такта. Несколько раз принималась я считать, но все в голове у меня путалось, и я чувствовала странный шум в ушах. Я считала: раз, два, три... Потом вдруг: восемь, пятнадцать... Видела, что вру и никак не могла

поправиться. Наконец Мими пришла мне на помощь и почти насильно уложила в постель.

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Любочка, ты пишешь?

ЛЮБОЧКА. Пишу.

МИМИ. Что так медленно?

ЛЮБОЧКА. Я знаю, какой папа насмешник. Если я сделаю хоть единую ошибку...

МИМИ. Теперь поговорим о серьезном. Ты пишешь мне, что дела твои идут нехорошо, и что тебе необходимо взять Хабаровские деньги. Я и прежде тебе говорила – бери. Ты так добр, милый друг, что из страха огорчить меня скрываешь настоящее положение своих дел. Но я догадываюсь, верно, ты проиграл очень много. Но я несколько, боюсь тебе, не огорчаюсь этим. Не мучь себя напрасно. Я привыкла не только не рассчитывать для детей на твой выигрыш, но, извини меня, даже на все твоё состояние. Меня так же мало радует твой выигрыш, как огорчает проигрыш. Весна чудо как хороша: балконную дверь уж выставили, дорожка к оранжерее четыре дня тому назад была совершенно суха, персики во всем цвету, кой-где только остался снег, ласточки прилетели, и нынче Любочка принесла мне цветы. Доктор говорит, что дня через три я буду совсем здорова, и мне можно будет подышать свежим воздухом и погреться на солнышке. Прощай же, милый друг, не беспокойся, пожалуйста, ни о моей болезни, ни о своем проигрыше; кончай скорей дела и приезжай к нам с детьми. Я делаю чудные планы о том, как мы проведем время вместе, и недостает только вас. Это все. Просит запечатать и отправить.

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Любочка, что ты пишешь?

ЛЮБОЧКА. От себя. По-французски.

НАТАЛЬЯ САВИШНА. Что пишешь?

ЛЮБОЧКА. Что очень соскучилась.

МИМИ (*читает вслух*). Papa, maman va mourir. Arrivez. Je ne sais pas comment c'est fait.

6. ГРОБ.

Все стоят над гробом Маман.

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают душу и служат источником лучших наслаждений. Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом, на своем высоком креслице; уже поздно, давно выпил свою чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не трогаешься с места, сидишь и слушаешь. И как не слушать? Она говорит с кем-нибудь, и звуки голоса ее так сладки, так приветливы. Одни звуки эти

так много говорят моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ее лицо, и вдруг она сделалась вся маленькая, маленькая — лицо ее не больше пуговики; но оно мне все так же ясно видно: вижу, как она взглянула на меня и как улыбнулась. Мне нравится видеть ее такой крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она делается не больше тех мальчиков, которые бывают в зрачках; но я пошевелился — и очарование разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно. Я встаю, с ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

МАМАН. Ты опять заснешь, Николенька, ты бы лучше шел наверх.

Я не хочу спать, мамаша. Неясные, но сладкие грезы наполняют воображение, здоровый детский сон смыкает веки, и через минуту забудешься и спишь до тех пор, пока не разбудят. Чувствуешь, бывало, впросонках, что чья-то нежная рука трогает тебя; по одному прикосновению узнаешь ее и еще во сне невольно схватишь эту руку и крепко, крепко прижмешь ее к губам. Все уже разошлось. Одна свеча горит в гостиной. Маман присела на кресло, на котором я сплю, своей чудесной нежной ручкой провела по моим волосам, и над ухом моим звучит милый знакомый голос.

МАМАН. Вставай, моя душечка: пора идти спать.

Ничьи равнодушные взоры не стесняют ее: она не боится излить на меня всю свою нежность и любовь. Я не шевелюсь.

МАМАН. Вставай же, мой ангел.

Ах, милая, как я тебя люблю! Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, берет обеими руками мою голову, целует меня в лоб и кладет к себе на колени.

МАМАН. Так ты меня очень любишь? Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будет твоей мамаша, ты не забудешь ее? Не забудешь?

Полно! И не говори этого, голубчик мой, душечка моя! А как, бывало, придешь на верх и станешь перед иконами, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: «Спаси, Господи, папеньку и маменьку». Повторяя молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мои за любимой матерью, любовь к ней и любовь к Богу как-то странно сливались в одно чувство. После молитвы завернешься, бывало, в одеяльце; на душе легко, светло и отрадно; одни мечты гонят другие, — но о чем они? Они неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на светлое счастье. Потом любимую фарфоровую игрушку — зайчика или собачку — уткнешь в угол пуховой подушки и любишься, как хорошо, тепло и уютно ей там лежать. Еще помолитесь о том, чтобы дал Бог счастья всем, чтобы все были довольны, и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья. Повернешься на другой бок, мысли и мечты перепутаются, смешаются, и уснешь тихо, спокойно, еще с мокрым от слез лицом.

Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть

лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная веселость и беспредельная потребность любви — были единственными побуждениями в жизни? Где те горячие молитвы? где лучший дар — те чистые слезы умиления? Прилетал ангел-утешитель, с улыбкой утирал слезы эти и навевал сладкие грезы детскому воображению. Неужели жизнь оставила такие тяжелые следы в моем сердце, что навеки отошли от меня слезы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминания?

МАМАН. Николенька! Ты не плачешь?

Нет.

КОНЕЦ

Екатеринбург, 2024-09-06